DOI 10.31250/2618-8600-2025-1(27)-196-217
УДК 393.9(497.17)

А. А. Плотникова
д.филол.н., г.н.с., Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9154-5046
E-mail: annaplotn@mail.ru

И. И. Казаков
м.н.с., Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7601-3287
E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

А. И. Чиварзина
к.филол.н., м.н.с., Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Похоронно-поминальная обрядность арумын в Северной Македонии (Штип и Велес): этнолингвистический очерк[1]

АННОТАЦИЯ. В статье вводятся в научный оборот данные этнолингвистической экспедиции 2023 г. в регион совместного проживания македонского и арумынского населения. В округе городов Штипа и Велеса (Северная Македония) проживает большой процент населения, владеющего арумынским идиомом. Регулярные интенсивные контакты между разными этническими группами способствовали языковой и культурной интерференции. Основным направлением экспедиционной работы был сбор терминологической лексики и соответствующих культурных контекстов в рамках погребально-поминальной обрядности обоих этносов. Этнолингвистический материал, собранный от македонцев и арумын, свидетельствует о высокой степени сохранности архаических элементов в этой сфере традиционной народной духовной культуры. Приведенные в настоящей работе этнокультурные тексты посвящены троицкому комплексу поминальной обрядности и мифологическим представлениям о духах предков; подробно рассматриваются все этапы похоронно-поминальной обрядности в течение первых дней после смерти человека и последующего периода поминания умершего. Отмечено тесное взаимодействие штипских и велесских арумын с существующей по сей день славянской архаической традицией. Кроме того, у славянского населения Штипа и Велеса прослеживаются культурные заимствования, связанные с влиянием соседствующего иноязычного арумынского этноса. В ходе анализа полевого материала были отмечены и общие балканские и карпато-балканские мифологические представления, а также романские элементы традиционной народной культуры, находящие подтверждение в близких восточнороманских анклавных зонах.

[1] Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении». URL: https://rscf.ru/project/22-18-00484/ (рук. А. А. Плотникова).

A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9154-5046
E-mail: annaplotn@mail.ru

I. Kazakov

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7601-3287
E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

A. Chivarzina

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Funeral and Memorial Rites of the Aromanians in North Macedonia (Štip and Veles): An Ethnolinguistic Essay

A B S T R A C T. This article presents the findings of a 2023 ethnolinguistic expedition to regions of North Macedonia where Macedonians and Aromanians coexist. In the Štip and Veles districts, a significant portion of the population speaks the Aromanian idiom. The sustained and intensive contact between these ethnic groups has resulted in notable linguistic and cultural exchanges. The primary objective of this fieldwork was to document vocabulary and cultural contexts related to funeral and memorial rituals among both Macedonian and Aromanian communities. The ethnolinguistic data collected reveal a strong preservation of archaic elements within this domain of traditional folk spiritual culture. The ethnocultural texts analyzed in this study focus on funeral rites and mythological beliefs concerning ancestors' souls, particularly within the framework of the Pentecost ritual complex. The article examines all stages of funeral and memorial practices in detail, including the immediate post-mortem period and subsequent commemorative traditions. Special attention is given to the deep-rooted interaction between the Štip and Veles Aromanians and the enduring Slavic archaic traditions. Additionally, evidence of cultural borrowing among the Slavic populations of these regions indicates the influence of the neighboring Aromanian-speaking communities. The analysis of the field data identifies common Balkan and Carpatho-Balkan mythological motifs, as well as Romanian elements of traditional folk culture. These findings align with patterns observed in close Eastern Romanian enclave zones, further highlighting the region's interconnectedness of cultural and linguistic traditions.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: традиционная народная культура, погребально-поминальная обрядность, народный календарь, арумыны, македонцы, архаика, этнолингвистика

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Плотникова А. А., Казаков И. И., Чиварзина А. И. Похоронно-поминальная обрядность арумын в Северной Македонии (Штип и Велес): этнолингвистический очерк. *Этнография*. 2025. 1 (27):196–217. DOI: 10.31250/2618-8600-2025-1(27)-196-217

K E Y W O R D S: traditional folk culture, funeral rituals, folk calendar, Aromanians, Macedonians, archaic, ethnolinguistics

F O R C I T A T I O N: Plotnikova A., Kazakov I., Chivarzina A. Funeral and Memorial Rites of the Aromanians in North Macedonia (Štip and Veles): An Ethnolinguistic Essay. *Etnografia*. 2025. 1 (27): 196–217. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2025-1(27)-196-217

Арумыны, проживающие в разных регионах Балкан, в частности в Македонии, на протяжении веков занимались скотоводством, предусматривающим миграцию и частые перемещения между регионами (см. подробнее: Русаков 2006). Оседлый образ жизни и земледелие на равнине, по свидетельству современников, непросто давались населению, привыкшему к условиям гор (Weigand 1892; Вајганд 1995: 168–169). Начиная с XVIII в. ремесленники и торговцы стали стекаться в городские центры, где в дальнейшем составили костяк зарождающейся буржуазии (Петровиќ 2002). Арумыны как представители городского населения были в большинстве образованны; известно, что в Москополе (совр. Воскопоя, Южная Албания), центре арумынского национального возрождения, работали типография и школы на арумынском языке (Berciu-Drăgicescu 1996: 37). Большие волны миграции арумын из греческих Эпира и Пинда были обусловлены историческими событиями, а именно — чередой разрушительных разбойничьих набегов на богатые арумынские города Москополе и Грамос, а также близлежащие населенные пункты. Люди искали убежище на северных территориях, населенных славянами (Матковски 1978: 17). Миграции происходили в несколько волн разной длины. Соответственно, арумыны постепенно продвигались и оседали, формировали арумынские центры на территории Македонии.

Изучению языка и народной культуры арумын Македонии были посвящены две этнолингвистические экспедиции — 2022 и 2023 гг. (с особым вниманием к терминологической лексике похоронно-поминальной обрядности и корреспондирующим этнокультурным контекстам). Первая экспедиция (2022 г.) в Северную Македонию проходила на территории арумынского населения города Крушево и сел в округе Битолы (Чиварзина, Казаков 2023). В 2023 г. было организовано и проведено обследование области Велеса и Штипа[2]. По историческим сведениям, а также и со слов наших информантов, прародиной обеих групп арумынского населения является Северный Эпир, откуда им пришлось бежать в XVIII в.:

Ние знаеме дека потекнуваме од Епир. Тоа е Грција, денешна Грција. Тоа близу Јанина. Близу Мецово. Мецово е од Пинд од Солун да одиш за Игуменица, Корфу. Од Солун према Италија, близу до албанска граница. Да одиш и миниш на планината горе. И на високото оттука Мецово, чисто влашко место. И слегуваш во Јанина. Јанина е како да кажам има едно

[2] Этнолингвистическая экспедиция проводилась в Республике Северная Македония сотрудниками Института славяноведения РАН А. И. Чиварзиной и И. И. Казаковым с 6 по 21 июня 2023 г. в округе г. Штипа (села Врсаково, Три-Чешми), в самом городе (интервью с жителями, переселившимися из арумынского села Софилари и смешанного села Доброшани); в г. Велесе (с жителями города и окрестных сел). В конце полевого обследования участники экспедиции работали также в г. Гевгелия.

езеро со тврдина — тоа е историјата на Власите тука. <…> Во XVIII век. И нашите живеат во планините таму високото, има едно село Брјаза. И оние се отселени оттаму. И со многу генерации поминале низ целиот Балкан. И во Романија.

Мы знаем, что мы происходим из Эпира. Это Греция, сегодняшняя Греция. Это недалеко от Янины. У Мецово. Мецово находится от Пинда, как едешь от Салоник в сторону Игуменицы, Корфу. От Салоник в направлении Италии, недалеко от албанской границы. Едешь и проезжаешь по горе. И выше отсюда — Мецово, чисто влашское место. И спускаешься в Янину. Янина, как сказать, здесь есть озеро и крепость — это все история влахов здесь. <…> В XVIII веке. И наши жили высоко там в горах, есть такое село Бряза. И их оттуда выселили. И многие поколения прошли все Балканы. И до Румынии (ПМА 2023а: М. Николов)[3].

Собранные во второй экспедиции лингвистические данные указывают на общий ареал, включающий территорию между Велесом и Штипом. Терминология похоронно-поминального обряда, а также смежных тем народной культуры, затронутых в ходе интервью с информантами, обнаруживает лексическое единство между этими большими центрами концентрации арумыноязычного населения. Однако, что касается исполнения соответствующих обрядов (и шире — календарной обрядности), даже на такой небольшой территории отмечается ряд отличий, что обусловлено не столько арумынской традицией, сколько особенностями славяноязычной среды. Штип находится на пограничье трех славянских культур — сербской, македонской и болгарской, входит в область распространения переходных македонско-болгарских говоров, тем самым попадая в зону высокой сохранности и, следовательно, концентрации архаических элементов традиционной народной культуры (ср.: Толстой 1999: 15, 22, 29; Плотникова 2004: 321–322, 333–337; Плотникова 2018: 56–67; Якушкина 2021: 153, 161, 259). У славян Штипа неизменно прослеживаются и древние культурные заимствования, связанные с традицией иноязычного арумынского населения, проживающего в тесном контакте с македонским. Приведем наиболее яркие иллюстрации текстов, записанных от носителей традиции как на македонском, так и на арумынском языке.

Поскольку основной темой полевого обследования был сбор и анализ терминологической лексики похоронно-поминального обряда с соответствующими текстами-иллюстрациями, то уместно начать с общей яркой традиции местного населения, славянского и арумынского,

[3] Жители-арумыны — билингвы, в семейном общении говорят на своем идиоме, при общении с македонцами и на официальном уровне — по-македонски. Во время экспедиции арумынам задавались вопросы по-арумынски, ответы собеседников звучали на обоих языках (диалектах), с учетом того, чтобы содержание ответа, по мнению говорящего, было понятно всем присутствующим.

а именно — с празднования дня Св. Троицы. Обе экспедиции, проведенные в Северной Македонии, совпали с троицкой неделей, поэтому собиратели материала смогли лично наблюдать за тем, как проходят праздники, посвященные душам умерших предков в этой части Южной Славии.

По собранным в Штипе данным, Троица — последний день, когда мертвые могут находиться на земле, при этом в Велесе говорили, что это «их праздник» (*Велигден за мртвите*): *Овде во Велес Дуовденската задушница ја нарекуваат Велигден за мртвите и носат и вапцуваат јајца на гробишта* («Здесь, в Велесе, Троицкая поминальная суббота называется Пасха для покойников, и носят, и красят яйца на кладбище») (ПМА 2023б: И. Пармачки). По представлениям из Штипа (как македонским, так и арумынским), на праздник Вознесения мертвые отпускаются с того света, чтобы побыть среди живых. Через десять дней, на Троицу, они снова должны вернуться в могилы: *За Спасовден отвараале ги, старите кажуваа*. [*Кој ги отвара?*] *Па дедо Боже! Власите кажуваа и до мртвин. Ама мртвите ги затвараат и више не одиле мртвите* («На Вознесение их отпускали, так говорили старики. [Кто их отпускал?] Ну Господь Бог! Влахи говорили, что и до поминального дня. А мертвых запирают и больше мертвые не ходили») (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева). *За Спасовден ги пуштат мртвите и на Дуовден ги собираат*. *Ti Analipsi sălăghescu mortsij, a ti Răsaji — adună* («На Вознесение отпускают мертвых и на Троицу их собирают»). *Ti Răsaji iaste Pashtili mortsilor* («Троица — это Пасха для мертвых») (ПМА 2023б: З. Башкова). Ср. также аналогичные подтверждения от македонцев из других сел этой территории: «На Троицу можно увидеть мертвых на кладбище» (с. Теово, область Азот, Велесский край, из личного архива авторов, 1999 г.) (Плотникова 2006: 206).

Подобные свидетельства находим и в других балканских регионах, где проживает славянское население: «На Балканах известно представление о том, что начиная с Вербного воскресения (Страстного четверга, Пасхи) вплоть до Вознесения или кануна Троицы на земле пребывают души предков, которых на это время “выпускают” с “того света” на “этот”, а по окончании периода временного освобождения души вновь “запирают” на “том свете”». Именно в троицкие поминальные дни, «по болгарским и македонским поверьям, можно увидеть или услышать мертвых» (Агапкина 2004 Т. 5). Заметим, что в с. Пештани (Охридский край) было зафиксировано представление о том, что в троицкое воскресенье люди «духовно прощаются со своими покойными» (личный архив А. А. Плотниковой)[4]. Что касается рассматриваемого ареала,

[4] Сведения из с. Пештани, которое входит в сетку «Малого диалектологического атласа балканских языков», обследовалось по этнолингвистической программе в 1999 г.

включающего Штип и Велес, можно сделать вывод, что в данном случае наблюдается славянское влияние на проживающее здесь арумынское население.

Подготовительные мероприятия к Троице начинаются в пятницу и субботу как у македонцев, так и у арумын. Накануне праздника посещают кладбище, чтобы подготовить могилы для возвращающихся умерших родственников. В Велесе был отмечен обычай белить памятники, что мотивировалось побелкой и украшением «дома умершего» (*вечна куќа,* то есть «вечный дом», — так назвала могилу одна из информанток), что соответствует общеславянским представлениям о гробе и могиле как вечном доме покойного на том свете, ср. серб. *вечна кућа*, в.-слав. (Полесье) *вична домовина* и т. д. (Афанасьева, Плотникова 1995: 553). В некотором смысле апофеозом представлений о могиле как доме покойного можно считать специально возводимые из камня сооружения в округе Велеса: по записи из окрестностей Велеса, сразу после погребения или в течение первых 40 дней складывают на могиле камни в виде прямоугольника, называемого *куќа* или *ќиур* ‘дом покойного’; в нем даже делают отверстия, именуемые *ка́мара*, *ка́марче* ‘окошко (окошечко) в доме покойного’ (подробнее см.: Плотникова 2006: 217). Сведения, отмеченные в проведенной недавно экспедиции, дополняют представления о могиле как доме покойного, который следует даже побелить: [*гробот*] *го чистат. Ден-два пред задушница сите одат на гробиште и средуваат, чистат од трева, други дур и варсувале гробовите. Со вар бело.* («[Могилу] прибирают. День-два до поминальной субботы все приходят на кладбища и убираются, очищают от травы, некоторые даже белили могилы. Побелкой белой») (ПМА 2023б: И. Пармачки). *Како му е куќа. Тоа како куќите ги одржуваш* («Как будто это его дом. Как будто следишь за их домами») (ПМА 2023б: З. Башкова).

После чистки и побелки приглашают священника отслужить на могиле панихиду, затем раздают еду за упокой души со словами: *Да се најде пред* [имя усопшего]; *Да се најде пред него и ќе кажеш името. И Бог да го прости. Sã si aflã tselui. Dum’ ljartã* («Пусть будет у него, и называешь имя. И прости его Бог») (ПМА 2023б: З. Башкова). *По куќите се раздаваат, по комшиите. Никој неќе по куќите и таму* [*на гробот*] *се раздава. Нешто се палат свеки и да се најде и толку. Ко раздаваш, ја раздавам: Еве за мајка ми и татко ми да се најде, на дедо ми, на баба* («По домам раздают, по соседям. Никто не хочет по домам, и раздают там [на могиле]. Свечи не зажигают, ‘пусть будет’ и всё. Когда раздаешь, вот я раздаю: “Вот это за мою мать и отца пусть будет, за моего дедушку, бабушку”») (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева). Ритуальная практика «кормить» и «одаривать» покойного съестным хорошо известна и влахам Восточной Сербии, употребляемые при этом словесные формулы и выражения схожи: ср. рум. *să fie*, то есть «чтобы у него было».

Порядок раздачи поминальной пищи является традиционным для балканских славян: *Па лепче се меси, пченица се прави, благо нешто, алва и тоа за раздавање. На гробишта се раздаваме. Тие што се наоколу се раздаваат сите едни на други* («Хлеб замешивают, коливо готовится, что-то сладкое, халва — и это все для раздачи. На кладбище раздаем. Те, которые рядом, раздают друг другу») (ПМА 2023б: З. Башкова). *Тие на гробишта се раздаваат одма ко помине свештеникот. <…> Луѓето сите си носат пченица варена и црвено вино, свештеникот прелева како во вид на крст врз гробот. И потоа луѓето помегу себе се раздаваат едни на другите храна што ја носат* («Раздают на кладбище сразу, как только пройдет священник. <…> Все люди приносят вареную пшеницу и красное вино, священник поливает могилу в форме креста. И потом люди между собой начинают одни другим раздавать еду, которую они принесли») (ПМА 2023б: И. Пармачки).

Для арумынского населения также обязательной является свеча во время символической передачи пищи и питья покойному: *Pi misalji s-bagã gãrnu, culacu, shi apã, shi tsearã <...> s-aprindi tsearã tu gãrnu* («На стол ставят коливо, колак, и воду, и свечку <...> зажигают свечку в коливо») (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

Как и в традициях влахов Сербии, у арумын особое значение имеет передача питья покойному, поскольку считается, что умершие на том свете испытывают сильную жажду[5]. На троицкое воскресенье до рассвета люди идут с глиняными сосудами, наполненными водой, которая предназначена для мертвых:

> *Од жешкото, за да пијат вода.*
> От жажды, чтобы они попили воды (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

> *Тие одат петок, сабота и недела. И петок и сабота се раздаваат а у недела у сабајле пред изгрејсонце, пред сонцето да изгрее, и одат со пуни бардаци со вода и остават ги бардаците. Само за бардаците одат. Сега јас на пример ќе одам кај татко ми. Миче ќе оди кај татко му. Секој ќе оди кај своето и носи по еден бардак вода и остава. И полива таму со вода мало и бардако го остават. И за до годин. Па на мртвин па така.*
> Идут в пятницу, субботу и в воскресенье. В пятницу и в субботу раздают, а в воскресенье рано утром до восхода солнца, прежде чем взойдет солнце, идут с полными кувшинами воды и там их оставляют. Идут только ради кувшинов. Сейчас, например, я иду к своему отцу. Миче пойдет к своему. Каждый идет к своему и носит по кувшину с водой и там оставляет его. И поливает немного водой, а кувшин оставляет. И так до следующего года. Так делается на поминальный день (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

---

[5] Подробнее об этом см.: (Плотникова 2022: 102–103).

На гробот оставаат бардаче за вода. За покојниот, да се напијт. Да како тука му е на небото.
На могиле оставляется кувшин с водой. Для покойного, чтобы он напился. Чтобы как здесь, так и там на небе было (ПМА 2023б: И. Пармачки).

Значи носиш бардаче со вода и истураш вода, полеваш гробо со вода. На тој ден.
Значит, приносишь кувшин с водой и выливаешь воду, поливаешь гроб водой (ПМА 2023а: М. Николов).

Подобные обычаи, связанные с предоставлением умершему питья (воды), оказывают сильнейшее влияние и на славянское население Балкан, что выражается не только в поливании могил на Троицу, но и в первые 40 дней после погребения покойного в подвешивании бутыли, из которой капает вода на могилу умершего (сербы Болевацкого края), ношении сосудов с водой в 40 домов, а затем отсылании — «пускании» воды для мертвого вниз по течению реки (сербы долины реки Тимок) и т. п. (см., например: Плотникова 2023а).

Важная роль на Троицу отводится листьям грецкого ореха: они должны создавать прохладу и комфорт для умершего. В кувшины с водой ставят ветки грецкого ореха, его листьями также устилают могильную плиту. Как известно, грецкий орех в традиции и южных славян, и арумын связывается с хтоническим миром (Агапкина 2004 Т. 3; Țîrcomnicu 2009: 45, 95). По многочисленным свидетельствам из с. Теово, его жители рано утром до восхода солнца идут на кладбище и несут ветки грецкого ореха, которые кладут на возведенное над могилой сооружение из камней, чтобы создать прохладу для умершего в течение всего лета. Тогда же льют воду на «дом покойного» (каменное сооружение над могилой). Листья и зелень грецкого ореха остаются до следующего года. Соответствующие контексты записаны и во время экспедиций к арумынам Штипа и Велеса:

Прачки се стават од ораси. Лисја. Да биде сенка на мртвите. [*Каде се стави?*] *И во бардаче и на гробо. И чорапите, и мајчки за сенка.*
Ставятся ветки грецкого ореха. Листья. Чтобы была тень мертвым. [Куда ставится?] И в кувшин, и на могилу. И носки, и футболочки для тени кладутся (ПМА 2023а: В. Патраклиска).

Dumãnicã, nica tihina, ninti di suari s-da shi s-duc [*tu mirmintsã*] *cu puaci plini di apã shi frãndzã di nucu bagã pi puaci.*
В воскресенье, рано утром, перед рассветом, ходят [на кладбище] с кувшинами, наполненными водой, и ветку грецкого ореха ставят в кувшины (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

Особого внимания заслуживает ритуальная практика арумын оставлять на могиле столовые приборы: тарелки, ложки, вилки, ножи, кружки — по числу умерших, похороненных в одной могиле. Эти столовые приборы предназначены для мертвых родственников, чтобы и те могли приобщиться к земной еде. Обе традиции, и славянская, и арумынская, оказывают сильное влияние друг на друга, ср. в с. Теово: помимо воды и зелени для праздника мертвых, на могилу несут букетики цветов, воду, фруктовую водку, хлеб, сладости, окрашенные в красный цвет яйца (Плотникова 2006: 206).

Среди архаических элементов, отличающих данную территорию, следует указать на дополнительное поливание могил в жаркие дни, называемые у македонцев *Горешници* (ср. серб. *Горешњаци*, болг. *Горешляци* и под.), что в других южнославянских регионах не практикуется. В сильную жару — в конце июля или начале августа — жители Штипа снова отправляются на кладбище с целью полить могилы и напоить усопших родственников, чтобы как-то облегчить им мучения:

> *Горешници се три дена и тога се на гробишта се носи само вода и се поливат мртвите со вода. Не се пали свеќе. Зато и се викаат горешници. Водичка на гробо. Вода само се полива, и свеќи не се палат, оти не можиш, горешници*. [*Кога?*] *Горешници се мењу, не знам, во август, јули. Кога е најжешкото*.
>
> Горешницы — это три дня, тогда на кладбище приносят только воду и поливают покойников водой. Не жгут свечи. Потому и горешници. Водичка на могилу. Только водой поливают и свечи не зажигают, потому что невозможно — горешницы. [Когда?] Горешницы меняются, не знаю, в августе, в июле. Когда самая жара (ПМА 2023а: В. Патраклиска, М. Патраклиска)[6].

Далее остановимся на наиболее значимых моментах традиционного погребального обряда обследованного населения Велеса и Штипа. Умершему человеку в карманы кладут необходимые, по мнению жителей, в загробной жизни вещи: монетки, чтобы заплатить Богу за вход в рай, расческу, зеркальце, иголку с ниткой. Зеркальце и игла имеют функцию апотропея, их кладут с целью предотвратить превращение человека в вампира:

> *Огледалце — вампири да не дошле да не го земат телото. Или тој да не се повампири. Или вампири да не дојдат. Чешел обавезно. Чешел, огледалце, игла и конец. Обавезно!*

[6] Любопытно, что обе информантки в данном случае — македонки.

Зеркальце — чтобы вампиры не пришли и не забрали тело. Или чтобы он не стал вампиром. Или чтобы вампиры не пришли. Расческа обязательно. Расческа, зеркальце, иголка и нитка — обязательно! (ПМА 2023а: М. Патраклиска).

От превращения умершего в вампира (мак. *повампирува*/арум. *vampireascã*) служит и бдение над покойным в течение 24 часов после смерти и до погребения — следят, чтобы гроб не перепрыгнуло животное, — что широко известно на всей балкано-карпатской территории. По сведениям от арумын Северной Македонии, бдение над покойным проходило следующим образом:

Omlu, cãndu moare, shi-l tsãn acasã pasprãyinghits di sãhãts. D-apã alantã dzu nuaptea tutã shed, cu videalã, cu tserã. Shed cama aushi. Pãnã mãni, pãnã sã-l ‘ngroapã. Shi yini alantã dzu preftu, shi soi aprindu tseri. Shi alantã dzu yini preftu, lu cãntã shi-l duc să-l ãngroapã.
Человека, когда он умирает, держат дома 24 часа. Затем на следующий день всю ночь сидят, со светом, со свечкой. Самые старшие сидят. А на следующий день приходит священник, и родня зажигает свечи. Приходит священник на следующий день, отпевает его и затем его несут хоронить (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

Mortul s-apãrã tã s-nu ãl sarã vãrnã prici. Tã s-nu sã vampireascã. Noaptea cãndu yini, dupu daosprã sãhatã shi atsel mortu, candu ãl sarã maca, naprimer, shi d-apã iel noaptea yini, shi asunã <...> vampir. Shi tuntse <...> lua tsel acu sh-lu ‘ntsãpa shi tutã sãndzi s-da.
Мертвого защищали, чтобы не перепрыгнуло через него какое-нибудь животное. Чтобы не стал вампиром. Когда приходит ночь, после 12 часов, и тот мертвый, когда перепрыгивала кошка, например, и потом он приходил ночью и шумел <...> вампир. И затем <...> брал ту иглу и укалывал его, чтобы выпустить всю кровь (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

Во втором тексте налицо определенная контаминация архаических представлений об оберегах от вампира: иголку кладут в карман умершему, однако известно у всех балканских славян, особенно на македонско-сербско-болгарском пограничье, что пришедшего в дом вампира следует как-либо обмануть, изловчиться и ткнуть острым предметом (чаще — иголкой), чтобы тот «сдулся», «превратился в жидкость», «исчез». Показательны в этом плане записи из Теово: чтобы избавиться от приходящего вампира, его протыкают шипом, колючками, иглой, вилами, режут ножом и т. д. (Плотникова 2006: 218).

От македонки из с. Моноспитово, в настоящее время проживающей в Штипе, было записано следующее свидетельство: чтобы покойный не

превратился в вампира, следует положить под голову камень, который отяжелит тело и не даст подняться вампиру. Еще более действенное средство — положить под голову хлеб (ПМА 2023а: М. Патраклиска). Хлеб является сакрализованным продуктом во многих культурах наравне с крестом. Как в славянских культурах, так и в восточнороманской, хлеб, будучи символом жизни, выступает как средство общения живых с мертвыми и в то же время как защитный магический инструмент (Buzilă 2019: 42; Толстая 2012: 412). Благодаря этим свойствам хлеб становится наиболее сильным средством против вампира.

В ночь, когда покойный находится в доме, всем пришедшим его охранять раздают небольшие порции еды, которая называется *патнина* (мак.), то есть «еда в путь». Этот обычай и соответствующий термин не были зафиксированы у арумын, однако данный обрядовый элемент отсылает нас к близкой болгарской традиции, согласно которой человека в агонии называют *пътник* (зап.-болг. кюстенд. *патни́к*), то есть «человек, собравшийся в путь» (этот термин особенно распространен в регионах Западной Болгарии) (Вакарелски 1990: 53). По записи из обследованных сел:

> *Точно у 12 сата се дава… тоа се вика патнина. Патнина — лепче, ако е посно, маслинка и локумче. На сите што се навечер чуват го починатиот. Седат тука роднини, блиски. И на сите им се дава, аде… ама тоа се вика последна од куќата — патнина. Да им раздаде патнина. Им се дава нешто да се апнат. А ако мрсно може и сиренце.*
>
> Ровно в 12 часов раздается… это называется *патнина*. *Патнина* — это хлебушек, если пост, маслинка и кусочек лукума. Всем, которые вечером охраняют умершего. Сидят здесь родные и близкие. И всем им дается, чтобы… называется это последнее от дома — *патнина*. И им раздается *патнина*. Им дается, чтобы немного перекусили. А если скоромное, то можно и брынзочку (ПМА 2023а: М. Патраклиска).

Каждый, кто приходит попрощаться с умершим, приносит свечу, которую зажигают в комнате с гробом. Эту традицию информанты мотивировали желанием осветить свечой путь умершему в загробную жизнь:

> *Собират се своите и цела нок не спијат, не може мртовецот сам да се остае. И свеќи палат. Секој носи свеќи за патот да му биде светол. И после доагаат познати, пријатели, попо. Роднините, далечните доагаат.*
>
> Собираются все родные и целую ночь не спят, потому что нельзя покойного одного оставлять. И свечи жгут. Каждый приносит свечи, чтобы его путь был светлым. И потом приходят знакомые, друзья, священник. Близкие, дальние приходят (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

Заметим, что свеча имеет особое значение во всех румынских обычаях сопровождения покойного в последний путь. У влахов Восточной Сербии (и самих сербов этой зоны — под влиянием влашских народных представлений) распространено также поверье, что умерший без свечи превращается в вампира, и для предотвращения подобных нежелательных последствий умирающему спешат дать свечу в руки (юг Неготинского края, личный архив А. А. Плотниковой, 2023 г.).

Покойника обряжают по сезону, зимой одевают в теплые вещи, под голову кладут летние, летом — в летнюю чистую одежду, но в гробу обязательно оставляют и несколько зимних вещей. Если умерший был женатым, то ему одевают обручальное кольцо:

Демек знаел да има и брачен другар.
Чтобы он знал, что у него есть супруга (ПМА 2023а: М. Патраклиска).

Се му ставаат во ковчегот. И зимно, и летно. Дур и храна ставаат. [*Која храна*] *Локум, ракија. Па дури еднаш и телефон му ставија*.
Все кладут в гроб. И зимнюю одежду, и летнюю. Даже еду кладут. [Какую еду?] Лукум, ракию. Даже однажды мобильный телефон положили (ПМА 2023б: И. Пармачки).

Неоднократно фиксировалась традиция класть в гроб подарки для ранее усопших родственников или передачи свечи для них:

Имаме традиција. Да речеме, ако јас одам на погреб кај мојот чичко, а мој татко е починат. Кај чичкото во ковчегот ставам нешто што сакам да давам поздрав за на татко ми. Да му однесе на татко ми. Да речам крпа, чорапи, нешто храна. Да се најде.
Есть такая у нас традиция. Скажем, если я иду на похороны своего дяди, а мой отец умер, к дяде в гроб я кладу что-нибудь, что я хочу передать отцу. Чтобы он передал моему папе. Скажем, полотенце, носки, какую-то еду. Чтобы было у него (ПМА 2023б: И. Пармачки).

Обратим внимание, что обычай передавать свечу в случае, если человек умер без зажженной свечи в руках, широко распространен в романской традиции (ср. данную практику у влахов и заимствованную сербами Неготинского края) (Голант, Струтинский 2023: 127; Плотникова 2023б). Несмотря на то что в настоящее время в памяти арумын и македонцев не сохранилось предписания зажигать умирающему свечу, именно свеча становится основным подарком усопшему родственнику.

Архаическим славянским ритуалом можно признать обычай класть в гроб куклу или резать курицу для предотвращения смертей, которые часто случаются в одном доме. Подобные ритуально-магические действия

известны и в Косово среди сербов: если в доме подряд умирают двое, то в гроб последнему кладут куклу, домашнюю птицу или голову черной курицы «взамен третьего покойника» (Афанасьева, Плотникова 1995: 556). Сходные сакральные практики известны и македонцам в других областях: в Мариово, если в одном и том же семействе случаются сразу две смерти в течение одного года, верят, что вскоре произойдет и третий смертельный случай. Во избежание такого хода событий режут черную курицу (или же цыпленка, петуха) как замену третьего покойного и кладут в гроб второму умершему — обезглавленную птицу подкладывают под умершего со словами: *Еве тројца* («Вот трое») (Ристески 1999: 93). Имитация еще одной смерти (кукла в гробу) или умерщвление домашней птицы, по словам информантки из Штипа, делается с целью «обмануть смерть». От информанта в том же регионе было записано, что он лично видел, как кровью зарезанной прямо на кладбище курицы была окроплена могила (ПМА 2023а: М. Николов).

При захоронении покойного обязательными элементами являются вино и оливковое масло, которыми поливается свежая могила; затем обе небольшие бутылочки зарывают в землю вместе с гробом: *Прво туриш вино на гробо кога закопуваат. Шишенце вино и шишенце зејтин ставаш во гробот* («Сначала поливаешь на могилу вином, когда закапывают. Бутылочку вина и бутылочку оливкового масла кладешь в могилу») (ПМА 2023б: И. Пармачки). Отметим, что у влахов и сербов окрестностей Неготина бутылочки из-под вина и масла предписывается разбить о забытое старое надгробие (серб. *незнани гроб*)[7].

Для поминального стола сразу после похорон готовятся коливо, хлеб и булочки, которые в этой области называются мак. *пупички* / арум. *piscuri*:

> *Еден се прави, само тој за на погребот. И потоа ќе го раздадат. И потоа ќе дадат и од другиот леб да јадат и друга храна.*
> Один делается, только он используется для похорон. И потом его раздают. И потом дают и другой хлеб, чтобы ели с другой пищей (ПМА 2023б: З. Башкова).

> *Се прават помали. Piscuri. Леб со нешто, со сиренье. Само леб и ако сакаш ќе клаваш и сирење. Некои стават да речеме внатре со кашкавал. Ãl ãnvãrteshti tu salfetã shi-l daj.*
> Делаются маленькие. *Piscuri.* Хлеб с чем-то, с брынзой. Просто хлеб и, если хочешь, кладешь и брынзу. Некоторые кладут, скажем, внутрь сыр. Заворачиваешь его в салфетку и раздаешь его (ПМА 2023б: З. Башкова).

[7] Записано А. А. Плотниковой в 2023 г., сербское село Роглево, где проживают также и влахи.

Для поминовения отведены определенные дни после смерти: в рассматриваемой области данный обычай называется *износ* (мак.) или *misalji* (арум.), поминовение происходит на 9-й, 40-й дни и спустя полгода и год после смерти. Поминовение спустя три года отмечается как исключение. В этот период следует один раз зарезать ягненка за упокой души. Выбор дня может варьироваться в зависимости от поста:

> *9 дена се прави, 40, 6 месеци и годину. И на три години. Ако не падне пости, ќе колат јагне. Ако посно, ќе колат на 40 дена, ако е посно — на 6 месеци, ако и таму посно — на година. Нема мерење, нема ништо. Ќе кажи така е цена, толку пари и толку.*
> На 9 дней делается, на 40, на полгода и на год. И на три года. Если не выпадает на пост, то режут ягненка, а если постный день, режут на 40 дней, а если постный день — на 6 месяцев, а если и там пост — на год. Не взвешивают, ничего. Скажет, какая цена и сколько денег, и всё (ПМА 2023в: М. Михајлов).

Интересно, что в данном регионе не было отмечено специального термина для обозначения поминального обеда, помимо общего обозначения мак. *рочо́к* (от мак. *ручек*) и арум. *prãnzul*. При этом термин *misalji*, который использовали информанты для обозначения как поминальных дней, так и поминальной трапезы, в словаре Т. Папахаджи фиксируется со значениями «скатерть» и «стол». Этимология данного термина, согласно Папахаджи, восходит к *mensalis* (лат. «столовый») (Papahagi 1963: 806): *Misalji. Cãndu moare omlu, s-bagã misalji tu nauli, tu patrudzãtsli, shase mesh shi un an, tron. Shi tu trei anji, posledno* («Когда человек умирает, устраивают поминки на 9, 40, 6 месяц и год. И на три года последние») (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева).

После года (реже — трех лет) период поминовения завершается, и умерший поминается только в отведенные календарные дни, которые называются мак. *мртвин* / арум. *arãsaji* (от лат. *Rosalia* ‘римско-итальянский праздник розалий’) (Papahagi 1963: 217; Златковская 1979; Голант 2013: 28). Так, помимо описанного выше троицкого комплекса, информантами упоминались поминальная суббота на первой неделе Великого поста и день св. Димитрия (*Митровден*), традиционные для балканских славян дни поминовения. Однако на эти поминальные дни распространяется только общая раздача продуктов в церкви и соседям за упокой души, никаких специальных обрядов и посещения кладбища не предусматривается.

У арумын и македонцев этого края принято посещать свежую могилу каждый день в течение 40 дней, что также соотносится с традицией арумын из области Битолы, где существует предписание приходить на могилу умершего каждый день (Чиварзина, Казаков 2023: 109).

На могиле каждый раз зажигают свечи и раскуривают кадило: *До 40 дена кандилото да се запали на гробот. Да му се осветли патот* («До 40 дней на могиле зажигают кадило. Чтобы ему осветить дорогу») (ПМА 2023б: И. Пармачки). Области Велеса и Штипа славятся изготовлением глиняной посуды, и именно сосуды из глины должны быть использованы на кладбище при поминании покойного, что мотивируется как натуральным происхождением материала, так и сходством с телом человека, который, по народным и церковным представлениям, был создан Богом из земли (ПМА 2023б: И. Пармачки).

В обследованном регионе основным цветом траурной одежды является черный; было записано также сообщение, что в знак глубокой скорби носили одежду наизнанку: *Едно време наопаку носеа. И на времето ко ја како дете. Носеле наопаку за голема жалост* («Одно время носили наизнанку. Во времена, когда я была ребенком. Носили наизнанку от большого горя»). *Ti anapuda purta fustane, cã jãlea* («Наизнанку носила юбку, потому что несла траур») (ПМА 2023б: З. Башкова). Также отмечалось, что до сих пор распространен запрет на включение музыки и телевизора до окончания поминального срока, вплоть до трех лет (ПМА 2023а: М. Патраклиска).

По свидетельству арумыноязычных информантов, на третий год после смерти некогда совершалось повторное погребение. Кости вынимали, обмывали вином и оливковым маслом, после чего помещали в белый мешок и снова священник отпевал покойного. Если же обнаруживалось, что тело не разложилось, гроб просто закапывали без отпевания. Информанты-македонцы указывали на срок в семь лет, когда требовалось раскопать гроб. Они же толковали сохранность тела как признак грешной жизни и нежелания земли принимать усопшего (ПМА 2023а: М. Патраклиска):

> *А порано кај Власите по три години вадаат. И ако останаа коските, коските ги собираа у бела врека, а ако беше цел оставаат. У трите години обавезно ги откопуваат. Власите им е адет. И ако беа коските само ги собераа во една врека и попо доаѓаа да ги пее. И со вино обавезно и со зејтин, ама сега не ги вадат. И Македонците, и Власите на трите години.*
>
> А раньше у арумын через три года выкапывали. И если останутся кости, кости собирали в белый мешок, а если оставался неразложившимся, его оставляли. Через три года обязательно выкапывают. У арумын такой обычай. И если были только кости, их собирали в мешочек и приходил священник, чтобы их отпеть. И обязательно вином и оливковым маслом, но сейчас не выкапывают. И македонцы, и арумыны через три года (ПМА 2023в: М. Ѓорѓиева, М. Михајлов).

Ряд важных этнокультурных текстов, которые удалось записать в последней экспедиции к арумынам и македонцам Штипа и Велеса, показывает значительные отличия народной традиции от культурного диалекта крушевских и битольских арумын, что обусловливается тесным взаимодействием штипских и велесских арумын со славянской архаической традицией. Как видно из записей, касающихся похоронно-поминальной сферы народной традиции (являющейся наименее «проницаемой» с точки зрения культурных заимствований), в общей традиции арумын и македонцев обследованного ареала (Велес и Штип) наблюдаются архаические славянские черты (представления о «вечном доме» — гробе, могиле покойного, вызывающие ряд соответствующих похоронно-поминальных ритуалов; троицкий комплекс обрядности, связанный с представлением о скитании душ умерших вплоть до воскресенья на Троицу; ритуально-магическая практика против смерти — замена предполагаемого третьего покойного домашней птицей и др.), общие балканские и карпато-балканские представления (запреты перешагивать/перепрыгивать через тело покойного, что соотносится с идеей предотвратить его обращение-превращение в существо, противоположное человеку; колоть или резать кожу умершего или якобы явившегося вампира), а также романские особенности традиционной народной культуры (значение зажженной свечи при отходе человека на «тот свет»; специфические ритуалы, обусловленные народными представлениями о жажде умерших на «том свете», и др., характерные для анклавных романских ареалов Сербии и Македонии).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арум. — арумынский
болг. — болгарский
в.-слав. — восточнославянский
зап.-болг. — западноболгарский
кюстенд. — говоры в округе г. Кюстендил (Болгария)
лат. — латинский
мак. — македонский
рум. — румынский
серб. — сербский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2023а — Республика Северная Македония, г. Штип, июнь 2023 г.; информанты: Мите Николов, 1959 г. р., арумын; Милица Патраклиска, 1956 г. р., македонка; Виолета Патраклиска, 1966 г. р., македонка.

ПМА 2023б — Республика Северная Македония, г. Велес, июнь 2023 г.; информанты: Игор Пармачки, 1982 г. р., македонец; Загорка Башкова, 1939 г. р., арумынка (ранее проживала в с. Дурфулија).

ПМА 2023в — Республика Северная Македония, г. Штип, с. Три-Чешми, июнь 2023 г.; информанты: Марушка Ѓорѓиева, 1955 г. р., арумынка; Мијалче Михајлов, 1959 г. р., арумын.

Агапкина Т. А. Орех грецкий // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3: К–П. С. 559.

Агапкина Т. А. Троица // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 5: С–Я. С. 322.

Афанасьева Н. Е., Плотникова А. А. Гроб // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 553–556.

Вајганд Г. Арумуни. Етнографска, филолошка и историска истраживања такозваних «Македоноромана» или Цинцара / превео др. П. Жебељан. Београд: Српско-Цинцарско друштво «Луњина», 1995. Т. 1. 227с. (На серб. яз.).

Вакарелски Х. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1990. 224 с. (На болг. яз.).

Голант Н. Г. Русальная обрядность у современных румын (по материалам экспедиций 2006–2012 гг. в Олтению, Мунтению и долину р. Тимок) // Троица. Rusalii. Πεντηκοστη. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре: материалы круглого стола, 17 апреля 2012 года / отв. ред. М. М. Макарцев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 28–43.

Голант Н. Г., Струтинский И. М. Погребальная обрядность влахов (румын) долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135.

Златковская Т. Д. Некоторые проблемы этногенеза молдован в свете данных их весенней обрядности // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века / отв. ред. В. Д. Королюк; ред. В. В. Иванов, Е. П. Наумов. М.: Наука, 1979. С. 106–126.

Матковски А. Историја на Крушево и Крушевско. Од постанокот на градот до поделбата на Македонија. Крушево: Собрание на општината, 1978. Книга прва. 347 с. (На мак. яз.).

Петровиќ Д. Власи во Србија и Власи-Цинцари во Македонија // Зборник на трудови од Меѓународниот научен симпозиум «Власите на Балканот», одржан на 09–10 ноември 2001 во Скопје. Скопје: Унија за Култура на Власите од Македонија; Ин-т за национална историја, 2002. С. 30–31. (На мак. яз.).

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Плотникова А. А. Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. С. 192–227.

Плотникова А. А. Сербско-македонское пограничье: особенности региона в контексте балкано-славянских традиций (народный календарь и сельскохозяйственная обрядность) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 3. С. 56–67.

Плотникова А. А. Наименования поминальных дней в традициях восточной Сербии: этнолингвистический аспект // Славяноведение. 2022. № 6. С. 98–107.

Плотникова А. А. Мартула (*мартурија*) в диалектах восточной Сербии: происхождение и функциональная нагрузка термина в обряде // Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023а. С. 123–127.

Плотникова А. А. Архаизмы и инновации в традиции сербско-болгарского пограничья: Неготинский край // Вестник славянских культур. 2023б. Т. 69. С. 132–144.

Ристески Љ. Посмртниот обреден комплекс во традициска кулутура на Мариово. Прилеп: Ин-т за старословенска култура, 1999. 246 с. (На мак. яз.).

Русаков А. Ю. Влахи // Большая российская энциклопедия [в 35 т.]. М.: Большая рос. энцикл., 2006. Т. 5. (Великий князь — Восходящий узел орбиты). URL: https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705 (дата обращения: 11.05.2023).

Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5: С–Я. С. 412–421.

Толстой Н. И. Избранные труды: Очерки по славянскому языкознанию. М.: Индрик, 1999. Т. 3. 464 с.

Чиварзина А. И., Казаков И. И. Обзор материалов экспедиции к арумынам Северной Македонии // Славяноведение. 2023. № 1. С. 105–112.

Якушкина Е. И. Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география: дис. … д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 297 с.

Berciu-Drăgicescu A. Românii din Balcani. Cultură şi spiritualitate. Bucureşti: Editura Globus, 1996. 253 p. (На рум. яз.).

Buzilă V. Pâinea: aliment și simbol: experiența sacrului. București: GastroArt, 2019. 348 p. (На рум. яз.).

Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic. București: Editura Academiei R.P.R., 1963. 1264 p. (На рум. яз.).

Țîrcomnicu E. Obiceiuri și credințe macedoromâne: dicționar. București: Biblioteca Bucureștilor, 2009. 116 p. (На рум. яз.).

Weigand G. Vlacho-Meglen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung. Leipzig: Universität Leipzig, 1892. 131 S.

REFERENCES

Berciu-Drăgicescu A. *Românii din Balcani. Cultură şi spiritualitate*. București: Editura Globus, 1996, 253 p. (In Romanian).

Buzilă V. *Pâinea: aliment și simbol: experiența sacrului*. București: GastroArt, 2019, 348 p. (In Romanian).

Chivarzina A. I., Kazakov I. I. [Review of the materials from the expedition to the Aromanians of North Macedonia]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], 2023, no. 1, pp. 105–112. (In Russian).

Golant N. G. [The rites of Rusalii Period among present-day Romanians (on the material of fieldwork in Oltenia, Muntenia and the Timok Valley in 2006–2012)]. *Troitsa. Rusalii. Πεντηκοστη.*

Rrëshajët... K motivu zelenogo v balkanskom spektre: materialy kruglogo stola, 17 aprelya 2012 goda [Trinity. Rusalia. Phenomena. Pentecost... On the motif of green in Balkan spectrum: materials of the round table on April 17, 2012]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2013, pp. 28–43. (In Russian).

Golant N. G., Strutinskiy I. M. [Funeral rituals of the Vlachs in the Timok Valley. Review of the field research in Eastern Serbia]. *Slavynovedenie* [Slavic Studies], 2023, no. 2, pp. 125–135. (In Russian).

Matkovski A. *Istoriya na Kruševo i Kruševsko. Od postanokot na gradot do podelbata na Makedonija* [History of Kruševo and Kruševo region. From the foundation of the city to the division of Macedonia]. Kruševo: Sobranie na opštinata Publ., 1978, first book, 347 p. (In Macedonian).

Petrovic D. [Vlachs in Serbia and Vlachs-Tsincars in Macedonia]. *Zbornik na trudovi od Medjunarodniot naučen simpozium "Vlasite na Balkanot", održan na 09–10 noemvri 2001 vo Skopje* [Proceedings of the International Scientific Symposium "Vlachs in the Balkans", held on November 9–10, 2001 in Skopje]. Skopje: Unija za Kultura na Vlasite od Makedonija Publ.; Institut za nacionalna istorija Publ., 2002, pp. 30–31. (In Macedonian).

Plotnikova A. A. *Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoy Slavii* [Ethnolinguistic geography of Southern Slavia]. Moscow: Indrik Publ., 2004, 768 p. (In Russian).

Plotnikova A.A. [Ethnolinguistic materials from the village of Teovo in Macedonia (Veles region, Azot district)]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Areal'nye aspekty izucheniya slavyanskoy leksiki* [Studies in Slavic dialectology. Areal aspects of studying of the Slavic vocabulary]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2006, vol. 12, pp. 192–227. (In Russian).

Plotnikova A. A. [Erbian-Macedonian border: features of the region in the context of Balkan Slavic traditions (folk calendar and agricultural rituals)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 56–67. (In Russian).

Plotnikova A. A. [Names of memorial days in the traditions of Eastern Serbia]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], 2022, no. 6, pp. 98–107. (In Russian).

Plotnikova A. A. [Archaisms and innovations in tradition of the Serbian-Bulgarian border: Negotinsky Region]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2023, vol. 69, pp. 132–144. (In Russian).

Plotnikova A. A. [Martula (marturija) in the dialects of Eastern Serbia: The origin and functional load of the term in the rite]. *Opredelennost' i neopredelennost' v yazykakh i kul'turakh Balkan* [Definiteness and indefiniteness in the languages and cultures of the Balkans]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2023, pp. 123–127. (In Russian).

Risteski Lj. *Posmrtniot obreden kompleks vo tradiciska kulutura na Mariovo* [The funeral ritual complex in the traditional culture of Mariovo]. Prilep: Institut za staroslovenska kultura Publ., 1999, 246 p. (In Macedonian).

Rusakov A. Yu. [The Vlachs]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2006, vol. 5. Available at: https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705 (accessed: 11.05.2023). (In Russian).

Tolstoy N. I. *Izbrannye trudy: Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniyu* [Selected Works: Essays on Slavic Linguistics]. Moscow: Indrik Publ., 1999, vol. 3, 464 p. (In Russian).

Vakarelski Kh. *Bălgarski pogrebalni obichai (sravnitelno izuchavane)* [Bulgarian Funeral Customs (A Comparative Study)]. Sofia: Izdatel'stvo na Bălgarskata Akademiia na naukite Publ., 1990, 224 p. (In Bulgarian).

Yakushkina E. I. *Serbsko-khorvatskaya leksika v obshcheslavyanskom kontekste: semantika i geografiya: dokt. dis.* [Serbo-Croatian vocabulary in the common Slavic context: semantics and geography: diss. doct.]. Moscow, 2021, 297 p. (In Russian).

Zlatkovskaya T. D. [Some issues of the ethnogenesis of Moldovans in the light of the data of their spring rituals]. *Etnicheskaya istoriya vostochnykh romantsev. Drevnost' i srednie veka* [Ethnic history of the Eastern Romanians. Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 106–126. (In Russian).

Submitted: 10.08.2023
Accepted: 13.03.2024
Article published: 01.04.2025